

В себя Лу Линси не пришел даже на следующий день, когда приступил к выполнению своих обязанностей в Кабинете Министров.

Слова Суй Чжоу заставили его всю ночь проворочаться без сна.

Вне всяких сомнений заявление того потрясло его до глубины души.

Что это за чувства такие, ради которых готов отказаться от всего, даже от продолжения рода?

По правде сказать, Лу Линси, хоть и понимал, что обожает Тан Фаня всем сердцем, прежде никогда не задумывался о необходимости жениться и завести детей. Вернее, подсознательно считал, что необходимость эта никак не противоречит близости с Тан Фанем.

Однако слова Суй Чжоу вернули его в жестокую реальность.

Мозг его превратился в комок клейстера, а прежде гибкий и проворный ум оказался в тупике, выхода из которого он не видел.

Что, если в один прекрасный день брат Тан действительно ответит на его чувства?

Откажется ли он от женитьбы и продолжения рода ради брата Тана?

Лу Линси не хотелось об этом думать, поскольку в глубине души он уже знал, что ответ, скорее всего, будет отрицательным.

И тому было много причин. Он происходил из большой и влиятельной семьи, старшие родственники которой ни за что бы не позволили ему выкинуть подобное. К тому же, если бы на месте Тан Фаня оказался обычный смазливый мальчик легкого поведения, с ним можно было бы и позабавиться: так был устроен мир, в котором они жили. Никто бы и слова не сказал. Напротив, некоторые сочли бы подобное за признак утонченности и одухотворенности. Однако Тан Фань был не такой. Он был не из тех, с кем Лу Линси мог просто поразвлечься: наоборот, скорее Тан Фань мог бы поразвлечься с Лу Линси. Для последнего он, в любом случае, был кем-то чистым, подобно ветерку, и ярким, подобно луне. Лу Линси бы ни одной крамольной мысли в его адрес не потерпел, а уж тем более аналогии со “смазливым мальчиком легкого поведения”.

Но все это не было преградой для Суй Чжоу.

Тот не уступал Лу Линси ни в чем. Разве что гражданским чиновником не являлся. Ранг Суй Чжоу был выше, к тому же он приходился вдовствующей императрице родственником и пользовался благосклонностью семьи Небес.

А самым главным было то, что Императорская Стража, имевшая право проводить аресты и вести независимые расследования, была глазами и ушами Сына Неба. Простые люди боялись одного их упоминания, а чиновники даже слово против них молвить страшились.

И такой человек был готов отказаться ради Тан Фаня от возможности жениться и завести детей.

Лу Линси не хотел этого признавать, но в этом он действительно Суй Чжоу уступал.

Тан Фань понятия не имел о протекающем в голове Лу Линси сложном мыслительном процессе. Он был занят разгребанием накопившихся за день до этого дел. Часть работы он поручил Лу Линси, велел тому в случае, если он что-то не поймет, задавать любые вопросы, а сам с головой зарылся в бумаги. Серьезный и собранный – совсем не такой, как во внерабочее время.

Впрочем, именно эта двойственная натура придавала Тан Фаню еще больше обаяния. В кругу друзей он был прожорливым, ленивым, остроумным и обаятельным Тан Жуньцином, а с коллегами – мягким и дружелюбным министром Таном, который за обсуждением важных дел забывает о пище и сне.

Разглядывая профиль Тан Фаня, с бесстрастным видом склонившегося над документами, Лу Линси обнаружил, что одного взгляда на того достаточно, чтобы очаровать его и сбить с толку.

Некоторое время спустя у Тан Фаня, кажется, затекла шея. Потерев затылок, он поднял голову и увидел, что Лу Линси продолжает стоять перед ним, как вкопанный, и удивленно спросил:

— Почему ты все еще здесь?

— ...Министр Тан, вы же сами велели подождать. Мол, хотите показать мне черновые варианты пересмотренных законов.

В Кабинете Министров Лу Линси, заботясь о репутации Тан Фаня, никогда не называл его “братом Таном” и обращался подобающе.

— Точно-точно! – Тан Фань хлопнул себя по лбу и виновато улыбнулся. – Я совсем забыл!

Тотчас осмотревшись, он выудил из стопки бумаг нужные и передал их Лу Линси.

— Вот, держи. Глянь, как будет время. После обеда я вынесу их на обсуждение в Кабинет Министров. Рекомендую послушать. Будь внимателен, подобный опыт может оказаться для тебя полезен.

На заседания Кабинета посторонние обычно не допускались. То же самое касалось и Лу Линси с остальными учеными. Впрочем, с некоторых не особо важных собраний никто бы их не прогнал. Желающие послушать и набраться опыта, могли задержаться подольше, чтобы, скажем, подать министрам горячего чая.

— Министр Тан... – взяв бумаги, Лу Линси хотел было что-то добавить, но вдруг замолк.

Тан Фань, уже успевший вновь склониться над документами, услышав его слова, вопросительно хмыкнул, однако головы не поднял.

Слова, что так долго крутились у Лу Линси на языке, готовы были вот-вот сорваться с его губ, однако так и остались неозвученными:

— Ни... Ничего. Не буду отвлекать.

Он вернулся к своему столу, сел и принялся за бумаги.

Почерк Тан Фаня, в отличие от его отношения к окружающим, был отнюдь не нежным. В нем чувствовалась сила и мощь. Уверенные черты прекрасно демонстрировали, что мягким обладатель такого почерка был лишь снаружи, внутри же оставался твердым, непреклонным и гордым.

Лу Линси по-прежнему был немного рассеян, однако, приступив к чтению, наконец смог полностью сосредоточиться. В полдень, когда Тан Фань позвал его пообедать и отдохнуть, он нехотя отложил бумаги и, вздохнув, потер глаза:

— Я только сейчас понял, что все мои достижения на ученой стезе – ничто!

— С чего ты это взял? – усмехнулся Тан Фань.

— За последние десять лет усердной учебы я прочел Четверокнижье и Пятикнижье, прослушал все великие истины дао, но так и не понял, как управлять страной и издавать законы. Теперь же, чтобы изучить ваш свод дополнений, мне приходится вчитываться в каждое слово. Но даже после стольких усилий понять его сложно. Видимо, я переоценил себя. На деле я оказался простым заучкой, что мира не видал. Могу лишь воздух сотрясать, а пользы от меня никакой.

— Не принижай себя, – с улыбкой произнес Тан Фань. – Ты с самого начала опережал остальных на голову. Ни в какое сравнение с теми, кто только и знает, что учиться до посинения. Чего тебе не хватает, так это опыта. Император-основатель учредил императорские экзамены не просто так. Те, кто сдают их, могут не обладать талантом к управлению страной, но все, кто им обладают – начитанные и образованные ученые-конфуцианцы. Помни об этом.

Лу Линси внимал его поучениям с благоговейным трепетом.

Хоть разница в возрасте у них была не особо велика, тот, кто выше по положению, тот и старший. Тан Фань был более чем достоин называться его учителем и как чиновник, и как ученый. Лу Линси считал, что иметь возможность каждый день следовать за Тан Фанем и внимать его советам – настоящее счастье.

Однако, вспомнив о своем детском желании, которое он отринул, так и не успев осуществить, Лу Линси внезапно ощутил необъяснимую печаль.

Не успел он привести мысли в порядок, как началось дневное заседание Кабинета Министров.

Здоровье императора становилось хуже и хуже, с каждым днем он все больше угасал. Все прекрасно понимали, к чему всё идет, но вслух свои мысли не произносили, молча готовясь к предстоящему восхождению наследного принца на трон.

Поднебесная не перестала жить своей жизнью только лишь потому, что драгоценное здоровье дракона оказалось подорвано. То, чему было суждено случиться, неминуемо случилось.

В июне затопило провинцию Хубэй.

В июле Линьтун и Сяньян пострадали от землетрясения.

Датунский гарнизон сообщал о признаках готовящегося нападения татар.

Со времен Чжэнтуня и Тяньшуня линия береговой обороны практически отсутствовала, что давало японским пиратам волю. В те времена между Китаем и Японией был подписан торговый договор, так что пираты проникали в китайские воды под предлогом подношения даров. Встречая на своем пути отряды солдат, они притворялись торговцами и, пока те ни о чем не догадывались, грабили и убивали. Неоднократным нападениям подвергались торговые и гражданские суда Великой Мин, а также жители побережья.

Жалобы на пиратов от местных органов власти постепенно доходили до Управления Связями, и наконец стали важным вопросом на повестке дня министров Великой Мин.

Только теперь, наблюдая за работой Кабинета, Лу Линси и прочие ученые из Императорской Академии поняли, какую важную роль играет Кабинет Министров, настоящий оплот власти Великой Мин.

Мудрый и могучий император определял судьбы всего мира одним лишь словом, однако при нынешнем Сыне Неба Кабинет был незаменим. Все его министры прошли несколько этапов отбора и имели опыт работы в органах местной власти или Шести Министерств, да и людьми были весьма талантливыми, сдавшими императорский экзамен, так что проблемы, которые вгоняли новичков из Императорской Академии в панику, решали на раз-два.

Некоторые из этих новичков, включая Лу Линси, смогли на собственном опыте убедиться в проницательности и сноровке старейшин Кабинета.

Взять, к примеру, Лю Цзи. Да, цензоры наградили его прозвищем “Хлопковый Лю”, но, будь тот действительно так бесполезен, в Кабинете столько лет бы не продержался. Между нежеланием и неумением работать есть огромная разница. После того, как Вань Ань с приспешниками пали, Лю Цзи забеспокоился, что может оказаться следующим, а потому отказался от стратегии бездействия и за одну ночь преобразился настолько, что осмелился перечить императору, призвав его держаться подальше от алхимии, не погрязать в тоске из-за потери благородной наложницы Вань и так далее в том же духе. Стиль его кисти изменился так внезапно, что привел всех в замешательство.

В Кабинете Министров состояли разные люди, и манера поведения у каждого была своя.

Тан Фань, хоть и занимал в нем самую низкую должность, в силу своего возраста был самым энергичным и расторопным. Теперь ему приходилось руководить делами не только Министерства Наказаний, но и Военного Министерства – неудивительно, почему Лу Линси с ним даже словом обмолвиться не мог: Тан Фань был действительно слишком занят.

Темой сегодняшнего заседания Кабинета Министров стало землетрясение. В связи с необходимостью выделить средства на помощь пострадавшим, на этот раз в нем принял участие и глава Министерства Финансов Ли Минь.

Теперь, когда фракция Вань пала, так называемые “шесть глиняных болванчиков-чинуш” практически исчезли. Прежде Ли Минь подавал в отставку по состоянию здоровья, но два года назад выздоровел и был назначен на должность генерала-губернатора водного транспорта, а позже за свои выдающиеся способности стал министром финансов.

В процессе встречи Лю Цзи назвал необходимую сумму и попросил Министерство Финансов

выделить средства, а Ли Минь принялся торговаться, поскольку в казне не было столько денег из-за снабжения северных регионов – министерство и так концы с концами еле сводило. Спорили эти двое долго. Лю Цзянь, Тан Фань и Сюй Пу тоже периодически вмешивались в обсуждение, и на конечной сумме сойти получилось, только когда у всех окончательно пересохло во рту. Ли Минь должен был выделить деньги и продовольствие, а Лю Цзянь оказался назначен ответственным за посильную поддержку тому со стороны Кабинета Министров, и должен был курировать это дело.

Новички из Императорской Академии, ставшие свидетелями проходившего в Кабинете Министров “рыночного торга”, сидели, как громом пораженные.

Сразу после этого Тан Фань предложил на рассмотрение свой свод дополнений “Закона Великой Мин”, однако с ним дела обстояли не столь гладко. Лю Цзи был крайне консервативным человеком. Вынеся урок из произошедшего с фракцией Ваней, он принял решение впредь избегать проблем. Если новые положения в законе будут приняты, ответственность ляжет на первого министра, а потому, хоть Лю Цзянь и поддержал предложение Тан Фаня, Лю Цзи его отклонил. Впрочем, прямо он не отказал, лишь отложил дело “на потом”. Поделаться с этим Тан Фань ничего не мог. Не хватать же Хлопкового Лю за воротник, требуя поскорее вынести решение.

Хоть к новичкам из Императорской Академии эта встреча не имела никакого отношения, молча наблюдая за ней, они кое-чему научились. А вот, как много они поняли, зависело лишь от их интеллекта.

Ближе к концу встречи в зал вошел стражник с донесением, что прибыл командующий Императорской Стражей Суй Чжоу с указом от вдовствующей императрицы.

Лю Цзи тотчас попросил того войти.

Оказавшись в зале, Суй Чжоу вежливо сложил руки в знак уважения членам Кабинета, а затем произнес:

— Этот скромный чиновник нанес визит вдовствующей императрице. И вдовствующая императрица велела мне передать приказ.

Все присутствующие знали, что он был родственником вдовствующей императрицы, а потому словам его не удивились.

— Командующий Суй, прошу, говори, – попросил Лю Цзи.

— Господа уже подготовили посмертное имя и почетный титул для благородной наложницы Вань?

Лю Ци закашлялся: все знали, что вдовствующая императрица Чжоу терпеть благородную наложницу Вань не может.

— Отвечаю вдовствующей императрице. Подготовили. Ее посмертным титулом будет: “Благородная императорская наложница Милосердия, Сыновней Почтительности, Скромности, Строгости, Честности, Благоразумия, Величия и Спокойствия”.

— Госпожа Вань была простой наложницей. За какие такие добродетели ей восемь иероглифов в посмертном титуле? Где ее милосердие? Где ее сыновняя почтительность?

Холодное лицо, с которым Суй Чжоу вопрошал от имени вдовствующей императрицы, наводило страх. Даже Лю Цзи испугался и осторожно произнес:

— Такова воля Его Величества...

— Вдовствующая императрица отдала приказ еще раз все обсудить.

Бессмертные бьются - смертные страдают.

Не в силах ничего предпринять, Лю Цзянь мысленно возопил: “Какое отношение разборки между матерью и сыном имеют к нам?!”

Однако ответить так он не мог, а потому был вынужден лишь принять указ.

Закончив, Суй Чжоу не стал задерживаться и сразу ушел. Однако прежде, проходя мимо Тан Фаня, незаметным нежным движением пальцев коснулся его тыльной стороны ладони.

Жест этот был мимолетным, но при этом весьма неоднозначным.

Никто, кроме Лу Линси, его не заметил.

Тот широко распахнул глаза.

Это было уж слишком дерзко!

<http://tl.rulate.ru/book/50212/3939152>